

ГИЙОМ МЮССО СПАСИ МЕНЯ

Когда я думаю о вас, мое сердце бьется быстрее, и только это имеет значение

1

Сегодня первый день из тех, что тебе осталось прожить.

Надпись на скамейке в Центральном парке

Нью-Йоркская бухта. Раннее январское утро.

С огромной высоты, оттуда, где облака мчатся на север, видны остров Эллис-Айленд и статуя Свободы. Очень холодно. Город парализован снежной бурей.

Вдруг в толщу облаков ныряет птица с серебристым оперением. Она пикирует к изломанной линии горизонта. Идет снег, но птица словно не замечает его. Неведомая сила влечет ее на север Манхэттена. С пронзительным криком она стремительно пролетает над Гринвич-Виллидж, Таймс-сквер, Верхним Уэст-Сайдом и садится на ворота, ведущие в Морнингсайд-парк.

Мы на другом конце парка, рядом с Колумбийским университетом. Меньше чем через минуту в окне на последнем этаже небольшого дома вспыхнет свет. Молодой француженке Жюльет Бомон остается спать всего три секунды.

6.59.57

.58

.59 7.00.00

На тумбочке включился радиобудильник. Жюльет высунула из-под одеяла руку и стала шарить вокруг. Будильник упал на пол, ужасный звон прекратился.

Протирая глаза, Жюльет вылезла из кровати, сделала несколько шагов и тут же запуталась в коврике. Проехавшись по скользкому паркету, она вскрикнула и упала. Вскочила на ноги и схватила очки, которые ненавидела, но была вынуждена носить из-за близорукости. Очки – это все-таки лучше, чем линзы.

Спускаясь по лестнице мимо множества небольших зеркал, купленных на блошином рынке, – молодая женщина, волосы до плеч, веселые, хоть и заспанные глаза, – она задержалась, глядя на свое отражение, поморщилась и попыталась привести в порядок волосы, заправить за ухо выбившиеся золотистые пряди. Футболка с глубоким вырезом и кружевные трусики – это выглядело сексуально и в то же время забавно. Жюльет помедлила, вернулась в комнату за толстым одеялом в шотландскую клетку и грелкой, сохранявшей остатки тепла. Система отопления никогда не была сильной стороной квартиры, которую она уже три года снимала вместе с Коллин.

«Подумать только, мы платим за нее две тысячи долларов!» – вздохнула Жюльет.

Завернувшись в одеяло, она стала, как пингвин, прыгать со ступеньки на ступеньку, и, спустившись вниз, толкнула дверь на кухню. Давно поджидавший ее толстый полосатый кот прыгнул к ней на руки и тут же, едва не оцарапав, забрался на шею.

– Жан Камий! Прекрати! – вскрикнула Жюльет и, взяв кота за шкуру, спустила его на пол.

Кот недовольно мяукнул и удалился в свою корзинку. Жюльет поставила кастрюльку с водой на плиту и включила радио.

«...сильная снежная буря, обрушившаяся два дня назад на Вашингтон и Филадельфию, движется на северо-восток страны, задев по пути Нью-Йорк и Бостон.

Сегодня утром Манхэттен проснулся под толстым слоем снега, полностью парализовавшим движение. Город живет в замедленном ритме.

Непогода также нарушила движение воздушного транспорта. Все рейсы из аэропортов имени Джона Кеннеди и Ла Гуардиа отменены или отложены.

Обстановка на дорогах очень напряженная. Власти города советуют как можно меньше передвигаться на машинах. Железнодорожная компания «Атмарк» сообщает, что некоторые поезда отменены. Впервые за последние семь лет зоопарк, городские музеи и многие достопримечательности закрыты для посещения.

Снежная буря, начавшаяся в результате столкновения массы влажного воздуха с Мексиканского залива с холодным фронтом, пришедшим из Канады, перемещается в сторону Новой Англии.

Будьте как можно осторожнее!

Вы слушаете «Манхэттен, 101,4».

«Манхэттен, 101,4» – дайте нам десять минут, и мы подарим вам целый мир...»

Слушая новости, Жюльет зябко поеживалась. Скорее! Нужно как-то согреться. Она порылась в кухонном шкафу. Ни чая, ни растворимого кофе. Чувствуя себя немного неловко, она выудила из раковины пакетик чая, который уже заваривала Коллин.

Еще не до конца проснувшись, она уселась на подоконник и стала смотреть на город, укрытый белым одеялом.

Ей было грустно, потому что в конце этой недели она должна покинуть Манхэттен. Это решение далось нелегко, но невозможно и дальше закрывать глаза на очевидное: Жюльет любила Нью-Йорк, но он не отвечал ей взаимностью. Надежды не оправдались, мечты не сбылись.

После лицея Жюльет окончила подготовительные курсы по истории литературы и Сорбонну и все это время играла в студенческих театрах. Она поступила в школу сценического мастерства Франсуа Флорана и была одной из самых многообещающих учениц. Постоянно ходила на кастинги, снималась в нескольких рекламных роликах и даже в кино (правда, в массовке), но никаких серьезных предложений так и не получила. Тогда Жюльет снизила уровень запросов. Она работала на презентациях в супермаркетах и офисах разных компаний, участвовала в спектаклях на детских днях рождения, расхаживала в Диснейленде в костюме Винни-Пуха.

Казалось, больше никаких перспектив нет, но Жюльет не сдавалась. Она решила резко изменить свою жизнь и уехала в Соединенные Штаты по программе au pair¹. В Большое Яблоко² она явилась полная надежд и бродвейских фантазий. Не зря же говорят: тот, кто добился успеха в Нью-Йорке, добьется его где угодно!

Первый год Жюльет работала няней, и у нее оставалось достаточно времени, чтобы совершенствовать английский, избавляться от акцента и заниматься в театральной студии. Она посетила множество прослушиваний, но получала только маленькие роли в экспериментальных авангардных театрах, ставивших спектакли в подвалах или залах для молитвенных собраний.

Кем только она не работала – кассиршей на полставки в небольшом магазине, уборщицей в облеслом отеле на Амстердам-авеню, официанткой в кафе.

Месяц назад она решила вернуться во Францию. Коллин собиралась вот-вот переехать к своему бой-френду, и Жюльет чувствовала, что у нее нет ни смелости, ни желания искать новую соседку. Придется признать, что она потерпела поражение. Сделала ставку в рискованной игре и проиграла. Она долго думала, что умнее других и сумеет избежать ловушек, которые жизнь расставляет молодым. Но теперь Жюльет

¹ Au pair – международная программа, позволяющая молодежи прожить год в семьях за рубежом, совершенствуя знание иностранного языка, зарабатывая деньги и знакомясь со страной. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Одно из названий Нью-Йорка.

чувствовала, что совсем сбилась с пути и непонятно, что делать и куда идти. Деньги заканчивались, виза давно просрочена, она теперь иностранка без определенного статуса.

Ее самолет вылетает в Париж в следующий понедельник, если, конечно, погода позволит.

«Ладно, дорогая. Хватит себя жалеть».

Жюльет заставила себя слезть с подоконника и отправиться в ванную. Она сбросила одеяло и запрыгнула в душевую кабину.

– А-а-а-а-а!!! – завопила она, когда на нее обрушился ледяной поток. Коллин принимала душ первой и не оставила ни капли горячей воды.

«Не очень-то хорошо с ее стороны!» – подумала Жюльет.

Мыться холодной водой было настоящей пыткой, но Жюльет не умела подолгу злиться. Она быстро нашла оправдание подруге. Коллин блестяще заканчивала учебу, собиралась стать адвокатом, и в этот день у нее было назначено собеседование в одном из самых престижных адвокатских бюро Нью-Йорка.

Жюльет не страдала нарциссизмом, но сегодня задержалась перед зеркалом. Ее все чаще мучил вопрос: «Я все еще молода или уже нет?»

Ей только что исполнилось двадцать восемь лет. Конечно, она была молода, но двадцать восемь – это не двадцать. Вытирая голову, Жюльет подошла к зеркалу поближе. Рассматривая свое лицо, она заметила крошечные морщинки вокруг глаз.

Мужчине трудно быть актером, но женщине это во сто крат трудней. Женщине не простят даже крошечного несоответствия идеалу, а у мужчины это назовут особым шармом, характерной чертой. Это всегда бесило Жюльет.

Она сделала шаг назад. Ее грудь все еще прекрасна, но, кажется, пару лет назад она была повыше.

«Нет, это тебе кажется».

Жюльет никогда не хотела «улучшить» свое тело: накачать губы коллагеном, убрать морщины ботоксом, поднять скулы, сделать ямочку на подбородке, купить новую грудь. Наивно? Что ж, пусть так, но она хотела, чтобы ее принимали такой, какая она есть, – естественной, глубоко чувствующей, мечтательной.

Главная проблема заключалась в том, что она потеряла веру в себя. Распрощалась с надеждой стать актрисой и встретить большую любовь. Три года назад ей казалось, что все еще возможно. Она могла бы стать новой Джулией Робертс или Жюльет Бинош, но постепенно перестала чувствовать что-либо, кроме усталости. Все деньги уходили на оплату жилья. Уже сто лет она не покупала новой одежды и ела только замороженные ravioli в картонных коробках или лапшу быстрого приготовления.

Она не стала ни Джулией Робертс, ни Жюльет Бинош. За пять долларов в час она подавала капучино в кафе, а поскольку этого не хватало на оплату квартиры, то пришлось найти еще одну работу на выходные.

Стоя перед зеркалом, Жюльет спрашивала себя: «Могу ли я еще понравиться мужчине? Могу ли вызвать желание?»

И отвечала: «Конечно. Но сколько еще у меня времени?»

Глядя прямо в глаза отражению, она произнесла вслух, словно сама себя предупреждала:

– Наступит день, и очень скоро, когда ни один мужчина не обернется тебе вслед.

«А теперь поторапливайся! Пора одеваться, если не хочешь опоздать».

Жюльет натянула колготки, две пары носков, надела черные джинсы, полосатую рубашку, свитер крупной вязки, а поверх шерстяное пальто.

Бросив взгляд на часы, она заметалась по комнате. Нужно спешить: у хозяина кафе тяжелый характер и он не простит опоздания даже в последний рабочий день.

Жюльет скатилась по ступенькам в прихожую, схватила шапку и пестрый шарф и захлопнула за собой дверь, постаравшись не отрубить голову коту, который высунулся наружу, приняхиваясь к выпавшему за ночь снегу.

Ледяной воздух был настолько плотным, что казалось, его можно потрогать. Жюльет никогда не видела Нью-Йорк таким тихим и спокойным. Всего за несколько часов Манхэттен превратился в огромный горнолыжный курорт. В город-призрак с заснеженными улицами, по которым почти невозможно пройти. На тротуарах и перекрестках намело большие сугробы. По улицам, обычно шумным и забитым машинами, осторожно пробирались джипы, редкие желтые такси и несколько человек на лыжах.

Жюльет почувствовала запах настоящей зимы, который помнила с детства, запрокинула голову и поймала губами снежинку. Чуть не упав, она взмахнула руками, чтобы удержаться на ногах. К счастью, метро совсем рядом. Нужно быть внимательней, тогда не поскользнешься...

Поздно. В следующую секунду она растянулась во весь рост, упав лицом прямо в сугроб. Двое студентов, проходившие мимо, и не подумали помочь ей. Более того, они нагло расхохотались. Жюльет стало так себя жалко, что слезы навернулись на глаза.

День начинался из рук вон плохо.

2

*Но, разлученные, мы с нею слиты все же:
Она во мне жива, а я почти мертвец.*

Виктор Гюго. Спящий Вооз.
Перевод Н. Рыковой

В нескольких километрах южнее большой джип медленно пересекал пустынную стоянку кладбища Бруклин-Хилл. Справа на стекле виднелась карточка с именем водителя.

Доктор Сэм Гэллоуэй Больница Святого Матфея Нью-Йорк

Джип остановился у входа на кладбище. Из него вышел мужчина в длинном пальто, наброшенном поверх дорогого костюма. На вид ему было лет тридцать, он был широк в плечах, выглядел уверенным в себе, но его странные глаза – один голубой, другой зеленый – были печальны.

Было так холодно, что даже воздух казался колючим. Сэм Гэллоуэй потуже завязал шарф, подышал на руки, чтобы согреться, и пошел ко входу на кладбище. В этот утренний час ворота еще были закрыты, но Сэму, после того как он пожертвовал некоторую сумму на уход за могилами, вручили его собственный ключ.

Уже год он приходил сюда раз в неделю, всегда по утрам, перед тем, как отправиться на работу в больницу. Это был ритуал. Почти наркотик.

«Единственная возможность еще немного побыть рядом с ней».

Сэм открыл чугунную калитку, которой обычно пользовался только сторож, включил освещение и, погрузившись в свои мысли, пошел по аллее.

Большое холмистое кладбище напоминало парк, и летом в тенистых аллеях бывало многолюдно. Но сейчас на кладбище никого, птицы молчат, ничто не нарушает покоя, и только снег тихо ложится на землю.

Пройдя триста метров, Сэм остановился у могилы своей жены. Надгробие из розового гранита почти исчезло под белым холодным покрывалом. Сэм смахнул рукавом снег, и появилась надпись:

Федерика Гэллоуэй
(1974–2004)
Покойся с миром

На черно-белой фотографии – молодая женщина с темными волосами, собранными в хвост. Но смотрела она не в объектив, а куда-то в сторону.

«Неуловимая».

– Привет, – тихо сказал Сэм. – Холодно сегодня, да?

Федерика умерла год назад, а он продолжал говорить с ней, как будто она жива.

Сэм не был мистиком, не верил в Бога или в существование загробного мира. Он вообще ни во что не верил, кроме своей медицины. Сэм Гэллоуэй был великолепным врачом, и все в один голос удивлялись тому, как он умеет сочувствовать пациентам. Сэм был молод, но его статьи уже появлялись на страницах медицинских журналов. Едва окончив учебу, он получил немало приглашений от самых известных клиник.

Сэм был детским психиатром. Он разрабатывал теорию «сопротивляемости» и был уверен, что даже тот, кто пережил ужасную трагедию, может не рухнуть под тяжестью горя. Любой способен найти в себе силы начать все сначала. Сэм лечил детей, получивших тяжелейшие психические травмы, – тех, кто подвергся насилию, перенес тяжелую болезнь или смерть близкого человека.

Он знал, как помочь им справиться с болью и снова начать жить, но сам был не в состоянии следовать собственным советам. Год назад его жена умерла, и это его сломало.

Их отношения с Федерикой нельзя было назвать простыми. Они познакомились, когда были подростками. Оба выросли в Бедфорд-Стайвесант, самом бедном квартале Бруклина, который уверенно занимал первое место по количеству совершаемых здесь убийств, а торговцев крэком тут было больше, чем во всем остальном городе.

Родители Федерики были колумбийцами. Ей было шесть лет, когда они бежали из Медельина, не зная, что переезжают из одного ада в другой. Они не прожили в Америке и года, когда отец Федерики погиб от шальной пули во время перестрелки, которую устроили в их квартале два клана наркоторговцев. Федерика осталась с матерью, и та постепенно сдавала позиции алкоголю, болезням и наркотикам.

Федерика ходила в облезлую школу, окруженную помойками и свалками ржавеющих машин. Дышать было нечем, по улицам шныряли дилеры. В одиннадцать лет, переодевшись мальчиком, она сама стала продавать наркотики в мрачном притоне на Башуик-авеню. Это был Бруклин середины 1980-х. И еще это был единственный способ достать наркотики для матери. Именно мать научила ее главному правилу наркоторговли: сначала деньги, потом товар.

В школе она познакомилась с Сэмом Гэллоуэем и Шейком Пауэллом, которые были немного младше ее и сильно отличались от остальных. Сэм, не расстававшийся с книгой и державшийся особняком, был самым умным в классе. Его воспитывала бабушка. Он был единственным белым в школе и по полной огребал за это.

Шейк был воплощением неукротимой силы. В тринадцать лет он был ростом со взрослого мужчину и так же силен. Он выглядел как бандит, но у него было доброе сердце.

Трое друзей объединились, чтобы выжить среди окружавшего их безумия. Они идеально дополняли друг друга, и каждый находил в других то, чего не хватало ему самому. Колумбийка, белый и черный: сердце, ум, сила.

Они росли, стараясь держаться как можно дальше от того, что происходило вокруг. И достаточно насмотрелись на то, во что наркотики превращают других, чтобы им самим не захотелось попробовать. Сэму и Федерике и в голову не приходило, что они когда-нибудь покинут эту дыру. В их квартале можно было умереть в любую секунду. Жизнь в постоянной опасности отучала думать о будущем. У них не было ни планов, ни стремлений. Ни у кого вокруг не было планов.

Но обстоятельства сложились так, что они выбрались оттуда. Вдвоем. Сэм стал врачом, вытянул подругу детства в свою новую жизнь, и как-то само собой получилось, что они поженились.

Снег все не кончался. Тяжелые колючие снежинки падали и падали. Сэм не отводил взгляда от фотографии жены. Волосы Федерики были заколоты длинной шпилькой. На ней был тот самый фартук, который она всегда надевала, когда писала картины. Эту фотографию сделал Сэм. Получилось немного смазано. Как всегда.

Федерика не любила фотографироваться.

В больнице Святого Матфея никто не знал, откуда Сэм, а он никогда об этом не говорил. Даже когда они жили с Федерикой, он редко вспоминал о том мире, который они покинули.

Его жена была не очень общительной. Она спасалась от ужасов, которые пришлось пережить в детстве, и живопись помогла ей создать мир, в котором она чувствовала себя в полной безопасности. Здесь ей ничто не угрожало. Она так долго наращивала панцирь, что, даже покинув Бед-Стай, всегда держалась настороже. Сэм убеждал себя, что вылечит ее так же, как вылечил многих своих пациентов. Но вышло иначе. За несколько месяцев до смерти Федерика стала все дальше уходить в свой мир – в мир живописи и молчания. Они с Сэмом все больше отдалялись друг от друга. Однажды вечером, придя домой, Сэм обнаружил, что его жена решила расстаться с жизнью, которая стала для нее невыносимой.

Он впал в какое-то оцепенение. Федерика никогда не посылала настоящих, серьезных сигналов о том, что собирается покончить с собой. Он вспоминал, что в последнее время она даже стала спокойнее. Теперь-то он понимал: это означало, что она приняла решение и ждала смерти как избавления от страданий.

Сэм прошел все стадии горя – отчаяние, стыд, бунт... Но не было дня, когда бы он не спрашивал себя: «Что я должен был сделать? Чего я не сделал?»

Постоянное, чудовищное чувство вины не давало ему покоя. И речи не могло быть о том, чтобы начать жизнь сначала. Он продолжал носить обручальное кольцо, работал тридцать шесть часов в неделю и дежурил по несколько ночей подряд.

Иногда он приходил в ярость, сердился на Федерику. Упрекал ее за то, что она ушла, не оставив ему ничего, что могло бы удержать его на плаву: ни прощальной записки, ни объяснения. Он никогда не узнает, что же заставило ее пойти на такой отчаянный шаг. И с этим придется смириться. Некоторые вопросы остаются без ответа. Ничего не поделаешь.

Конечно, в глубине души он всегда знал, что его жена так и не оправилась от детских травм. Она по-прежнему жила в трущобах Бед-Стая, среди насилия, страха и разбитых пузырьков из-под крэка.

Бывают раны, которые не заживают. Их уже ничем не исцелить. Ему придется принять это, хотя он каждый день убеждает пациентов в обратном.

Где-то на кладбище старое дерево затрещало под тяжестью снега.

Сэм закурил и стал рассказывать жене, что произошло за неделю. Потом он замолчал. Ему было достаточно того, что он здесь, рядом с ней, и он снова стал вспоминать. Холод сковал его лицо. Снежинки кружили над ним, таяли на волосах, на пробивающейся щетине. Ему было хорошо. Здесь, рядом с ней.

Иногда по ночам после особенно трудного дежурства, когда усталость обостряла все чувства, с ним случалось нечто странное: ему казалось, что он слышит голос Федерики, видит ее на пороге палаты, за поворотом коридора. Он прекрасно знал, что этого не может быть, но ему нравилось думать, что у него есть еще одна возможность почувствовать, что она рядом.

Когда холод стал почти невыносим, Сэм решил, что пора возвращаться к машине. Он уже отошел от могилы, но вдруг вернулся обратно.

– Знаешь, Федерика... Я давно хотел тебе сказать...

Его голос сорвался.

– Я никогда не говорил тебе об этом. Вообще никому не говорил...

Сэм остановился на мгновение, словно еще не решил, стоит ли продолжать. Стоит ли все рассказывать тому, кого любишь? Наверное, нет. Но он продолжил:

– Я никогда не говорил тебе, потому что... Но если ты теперь на небесах, ты и так знаешь.

Никогда еще после смерти Федерики он не ощущал ее присутствие так сильно. Может быть, потому, что все вокруг стало совершенно нереальным, белым, словно он сам оказался на небесах.

Сэм начал говорить. И говорил долго, не останавливаясь, снимая с сердца многолетний груз. Это не было признанием в измене или в том, что он когда-то утаил от нее деньги, и это не было рассказом о старых семейных секретах.

Это было *другое*.

Нечто гораздо более серьезное.

Когда он закончил, то почувствовал себя опустошенным и совершенно лишившимся сил.

Прежде чем уйти, он тихо сказал:

– Но я надеюсь, что ты все еще любишь меня.

3

Спаси чью-то жизнь – все равно что влюбиться, ни один наркотик с этим не сравнится. Потом ты дни напролет ходишь по улицам и видишь, что все преобразилось. Ты думаешь, что стал бессмертным, как будто спас жизнь самому себе.

Из фильма Мартина Скорсезе «Воскрешая мертвецов»

Больница Святого Матфея, 17.15

Заканчивая вечерний обход, Сэм всегда оставлял две палаты напоследок. Может быть, потому, что этих пациентов он вел уже давно и, не признаваясь себе, давно считал их членами своей семьи.

Он тихо открыл дверь в 403-ю палату детского онкологического отделения.

– Привет, Анджела.

– Добрый вечер, доктор Гэллоуэй. Четырнадцатилетняя девочка, худая и прозрачная,

лежала в палате одна. Корпус ноутбука, стоявшего у нее на коленях, переливался ядовитыми цветами.

– Что нового?

Анджела рассказала, как провела день. Обо всем она говорила с насмешкой и иронией. Она считала, что окружающий мир враждебен, ненавидела сочувствие и никому не позволяла себя жалеть. У нее не было настоящей семьи. Сразу после рождения ее подбросили в приют в одном маленьком городке в Нью-Джерси. Она росла трудным, замкнутым ребенком, и ее постоянно передавали из одной приемной семьи в другую. Сэм потратил немало времени, чтобы завоевать ее доверие. Анджела уже давно лежала в больнице, и он иногда просил ее поговорить с другими детьми, с теми, кто был младше ее, чтобы успокоить их перед операцией.

Глядя, как Анджела смеется, Сэм снова подумал: трудно поверить, что прямо сейчас раковые клетки распространяются в ее крови. Девочка была больна тяжелой формой лейкемии. Было уже две попытки пересадить костный мозг, но ее организм оба раза воспротивился этому.

– Ты подумала о том, что я тебе сказал?

– О новой пересадке?

– Да.

Болезнь Анджелы достигла той стадии, когда только пересадка могла остановить появление метастаз в печени и селезенке. Без операции девочка была обречена.

– Не знаю, доктор. Не уверена, что выдержу. Мне снова будут делать химиотерапию?

– К сожалению, да. И тебя снова переведут в стерильный бокс.

Некоторые коллеги Сэма считали, что он зря упорствует и лучшее, что можно сделать, – это позволить девочке спокойно прожить отпущенное время. Ее организм уже измотан, и вероятность того, что новая пересадка окажется успешной, была не больше пяти процентов. Но Сэм так привязался к Анджеле, что просто не мог сидеть сложа руки.

«Я буду пытаться, даже если у нее один шанс на миллион».

– Я еще подумаю.

– Ладно. Не торопись. Тебе решать.

На Анджелу нельзя было давить. Она была храброй, но все-таки не железной. Сэм просмотрел и подписал записи в ее карте, сделанные в этот день. Он уже собирался уходить, когда девочка вдруг сказала:

– Доктор, подождите.

– Да?

Анджела щелкнула мышкой, принтер зажужжал и выдал листок со странным рисунком. Сэм предложил Анджеле заняться каким-нибудь творчеством, чтобы отвлечь ее от постоянных мыслей о болезни, и она выбрала рисование.

Девочка протянула Сэму листок.

– Вот, это вам.

Сэм с удивлением рассматривал рисунок. Пурпурные и коричневые завихрения, широкие переплетенные линии напомнили ему работы Федерики. Анджела впервые нарисовала что-то абстрактное. Он хотел спросить, что означает этот рисунок, но удержался, вспомнив, что его жена терпеть не могла таких вопросов.

– Спасибо, я повешу это у себя в кабинете.

Он сложил рисунок и убрал в карман халата. Он знал, что Анджела не любит, чтобы ее хвалили.

– Спокойной ночи, – сказал Сэм, направляясь к двери.

– Я скоро сдохну, правда?

Сэм замер на пороге, потом повернулся. Анджела снова спросила:

– Я сдохну без этой чертовой пересадки?

– Да, – наконец ответил он. – Риск, что ты умрешь, очень велик.

Он помедлил несколько секунд и добавил:

– Но этого не случится. Я тебе обещаю.

Пятая авеню, кофейня «Старбакс», 16.39

– Будьте добры, большой капучино и маффин с черникой.

– Одну минуту.

Выполняя заказ, Жюльет посмотрела в окно. Снегопад закончился, но город все еще оставался в плену холода и ветра.

– Вот, пожалуйста.

– Спасибо.

Жюльет украдкой взглянула на часы, висевшие на стене. Еще минута – и ее смена закончится.

– Эспрессо макиато и бутылку «Эвиан».

– Одну минуту.

Последняя клиентка, последняя рабочая смена, и через два дня – прощай, Нью-Йорк. Жюльет протянула заказ безупречной бизнес-леди, и та, даже не поблагодарив, повернулась к ней спиной.

Встречая на улице или в кафе таких обитательниц Нью-Йорка, Жюльет всегда разглядывала их с любопытством и завистью. Разве могла она соперничать с этими стройными целеустремленными женщинами, словно сошедшими со страниц модных журналов, которым известны все пароли и правила игры?

«Они – моя полная противоположность, – думала Жюльет. – Блестящие, спортивные, решительные. Они держатся уверенно, знают, как подчеркнуть свои достоинства, умеют играть в эти игры...»

И кроме того, все они были financially secure. То есть у них была хорошая работа и приличная зарплата.

Жюльет вышла в подсобное помещение, переделалась и вернулась в зал, немного разочарованная тем, что никто из тех, с кем она работала, не пожелал ей good luck на прощание. Она помахала рукой девушке, стоявшей за стойкой, но та в ответ едва кивнула. «Я что, невидимка?»

Жюльет в последний раз прошла через длинный зал. Она уже открыла дверь на улицу, когда кто-то окликнул ее по-французски:

– Мадемуазель!

Жюльет обернулась и за столиком у окна увидела седого мужчину с аккуратной бородкой. Все в его облике дышало силой. Он был немолод, но так широкоплеч и высок, что мебель в кафе казалась кукольной. Жюльет знала его. Он иногда заходил сюда поздно вечером. Временами, когда управляющего не было на месте, Жюльет разрешала ему войти вместе с собакой, огромным черным догом, отзывавшимся на странную кличку: Куджо.

– Я пришел попрощаться с вами, Жюльет. Я понял, что вы скоро уезжаете во Францию.

– Как вы узнали?

– Просто услышал, – ответил он.

Ей было спокойно рядом с ним, и в то же время в нем было что-то пугающее. Странное ощущение.

– Я позволил себе заказать для вас горячий сидр, – сказал он, указывая на стоящий перед ним стакан.

Жюльет остолбенела. Похоже, этот незнакомец прекрасно ее знает, но ведь за все это время она перекинулась с ним всего парой слов!

– Посидите со мной минутку, – предложил он.

Жюльет помедлила, глядя ему в глаза, но не увидела в них ничего угрожающего. Только доброжелательность и усталость. Огромную усталость. И еще в них словно пылал какой-то внутренний огонь.

В конце концов она решила сесть за его столик. Мужчина знал, что эта девушка была нерешительной и ранимой, хотя выглядела веселой и энергичной. Он бы предпочел не вмешиваться. Но времени оставалось мало. Его жизнь была сложной, дни очень длинными, а работа не всегда приятной. И он сразу перешел к делу.

– Вы думаете, что ваша жизнь не удалась, но вы ошибаетесь.

– Почему вы мне это говорите?

– Потому что вы сами об этом думаете каждое утро, стоя перед зеркалом.

Жюльет отпрянула.

– Откуда вы знаете, что...

Но он не дал ей договорить.

– Нью-Йорк – очень жестокий город, – продолжил он.

– Да, это правда, – согласилась Жюльет. – Каждый бежит по своим делам, никому ни до кого нет дела. Тут всегда давка как в метро, но все очень одиноки.

– Верно, – ответил он, разводя руками. – Этот мир таков, тут уж ничего не поделаешь, хоть нам и хочется, чтобы он был справедлив и чтобы у хороших людей все было хорошо.

Он помолчал немного и снова заговорил:

– Жюльет, вы хороший человек. Я как-то видел, что вы обслужили человека, которому не хватило денег расплатиться, хотя прекрасно знали, что у вас вычтут из жалованья.

– Но это же такая мелочь. Это пустяки, – пожала плечами Жюльет.

– Да, мелочь, и в то же время это совсем немало. Пустяков не бывает, но мы не всегда правильно оцениваем последствия своих поступков.

– Почему вы мне это говорите? – снова спросила Жюльет.

– Нужно, чтобы вы поняли это до того, как уйдете.

– До того, как уеду во Францию?

– Берегите себя, Жюльет, – сказал он, вставая.

– Подождите!

Жюльет сама не знала почему, но ей нужно было во что бы то ни стало удержать его. Она кинулась за ним, но он уже вышел из кафе. Вращающаяся дверь замела в зал немного снега, и Жюльет поскользнулась – в третий раз за день. Она покачнулась назад и едва успела ухватиться за плечо мужчины, который искал свободное место, держа в руках поднос. Жюльет упала, увлекая его за собой, горячий капучино забрызгал их с ног до головы.

«Вот опять! Опять! Неуклюжая корова, а еще мечтает быть изящной, как Одри Хепберн!»

Жюльет вскочила, покраснев как рак, рассыпалась в извинениях перед посетителем, который вне себя от бешенства угрожал подать на нее в суд, и выскочила наружу.

Манхэттен уже снова жил в своем обычном ритме. На улицах было многолюдно, звуки города обрушивались на голову, как снег, падающий с крыши. Мимо кафе проехала машина, убирающая улицы, ее рев на некоторое время заглушил шум уличного движения. Жюльет надела очки, посмотрела по сторонам, но того, кого она искала, нигде не было видно.

* * *

В это самое время Сэм поднимался на лифте. Выйдя из него, он прошел по коридору и остановился перед палатой номер 808.

– Добрый вечер, Леонард.

– Входите, доктор, входите!

Вообще-то человек, к которому Сэм, заканчивая вечерний обход, заходил в последнюю очередь, не был его пациентом. Леонард Маккуин был одним из самых старых обитателей больницы Святого Матфея. Сэм познакомился с ним прошлым летом во время ночного дежурства. Старик Маккуин никак не мог заснуть и вышел на крышу, чтобы подышать свежим воздухом и выкурить сигарету. Разумеется, это было запрещено. Не говоря уже о том, что у Маккуина был рак легких в последней стадии. Но Сэму, когда он увидел старика на крыше, хватило такта не устраивать ему выволочку. Он просто сел рядом, и они стали разговаривать, наслаждаясь вечерней прохладой. С тех пор Сэм регулярно заходил к Маккуину узнать, как дела, и оба относились друг к другу со взаимным уважением.

– Ну, Леонард, как вы себя сегодня чувствуете?

Маккуин приподнялся на постели и бодро ответил:

– Вот что я вам скажу, доктор! Никогда не чувствуешь себя таким живым, как на пороге смерти.

– Ну, вам до смерти еще далеко.

– Доктор, давайте без этого. Я прекрасно знаю, что мне скоро крышка.

И словно в доказательство своих слов, старик зашелся в долгом приступе кашля, который свидетельствовал о том, что его состояние снова ухудшилось. Сэм помог ему пересест в кресло-каталку и подвез к окну. Приступ прошел. Маккуин как замороженный смотрел на город, лежавший у его ног. Больница стояла на краю Ист-ривер, из окна была как на ладони видна башня из стали, мрамора и стекла – здание ООН.

– А как вы, доктор? Все еще холостяк? – Все еще вдовец. Это не одно и то же.

– Я знаю, что вам нужно. Порция отличного секса. Тогда вы перестанете быть таким серьезным. В вашем возрасте нехорошо, когда хозяйство простаивает без дела. Понимаете, о чем я?

Сэм усмехнулся.

– Вполне. обойдемся без подробностей.

– Я серьезно, док. Вам нужно кого-нибудь найти. Сэм вздохнул.

– Слишком рано, Леонард. Воспоминания о Федерике...

Маккуин перебил его:

– Доктор, я очень вас уважаю, но, если честно, вы уже достали меня вашей Федерикой. Я был женат три раза и уверяю, что если вы хоть раз в жизни искренне любили, то у вас отличный шанс полюбить снова.

Старик указал на город, который далеко внизу жил своей жизнью.

– Только не говорите, что среди миллионов людей, населяющих Манхэттен, нет никого, кого вы могли бы полюбить так же сильно, как любили свою жену.

– Все не так просто...

– Да? А я думаю, что вы сами все усложняете. Если бы мне было столько лет, сколько вам, и я был бы здоров, то не тратил бы свои вечера на разговоры со стариком.

– Тут я с вами согласен, Леонард, и поэтому покидаю вас.

– Пока вы еще здесь, я хочу вам кое-что дать. – Маккуин порылся в карманах и вытащил связку ключей. – Если будет настроение, побывайте у меня дома. В подвале полно отличных вин, которые я, как болван, берег для особого случая.

Он помолчал, потом тихо, словно самому себе, сказал:

– Человек иногда бывает таким идиотом.

– Послушайте, Леонард, я не уверен, что...

– Док, вы меня вообще слушаете? – возмутился Маккуин. – Я вам предлагаю не какую-то дешевую кислятину! У меня отличные французские вина, гораздо лучше, чем это калифорнийское пойло. Они стоят целое состояние! Выпейте за мое здоровье, мне будет приятно. Я серьезно, док. Обещайте, что сделаете это.

– Обещаю, – улыбнулся Сэм.

Маккуин бросил ему ключи, и Сэм поймал их на лету.

– Спокойной ночи, Леонард.

– Спокойной ночи, док.

Выходя из палаты, Сэм повторил про себя слова Маккуина: «Никогда не чувствуешь себя таким живым, как на пороге смерти».

4

Нам нравится быть не теми, кто мы на самом деле.

Альбер Козн³

– Коллин? Ты дома?

³ Французский поэт, писатель и драматург.

Жюльет открыла дверь, стараясь не уронить коробки с едой из китайского ресторана и бутылку вина, которые она купила на сэкономленные чаевые за эту неделю.

– Коллин! Это я! Ты вернулась?

Утром соседка позвонила ей прямо в кафе, чтобы рассказать: собеседование прошло успешно, ее берут на работу. Они решили вечером отпраздновать это событие дома.

– Эй! Ты где?

В ответ раздалось только мяуканье. Жан Камий прибежал из кухни и стал, мурлыкая, тереться о ноги Жюльет. Она свалила покупки на стол, подхватила кота на руки и побежала в гостиную – единственную комнату, где было включено отопление.

Зажмурившись от удовольствия, Жюльет сидела, прижавшись к батарее, которая по случаю неожиданных холодов работала в полную силу. Тепло волнами поднималось вверх от замерзших ног.

«О-о-о! Это лучше, чем оргазм!»

Не открывая глаз, Жюльет стала мечтать. Она представила себе, что вдруг оказалась в идеальном мире – в нагревателе всегда есть горячая вода, придя с работы, можно принять душ...

Но это было бы уже слишком. Открыв глаза, Жюльет заметила мигающую лампочку на автоответчике. Нехотя оторвавшись от батареи, она нажала кнопку.

У вас одно новое сообщение.

Привет, это я! Мне так жаль, но сегодня вечером меня не будет дома. Ни за что не угадаешь почему! Джимми пригласил меня съездить на два дня на Барбадос!!! Нет, ты представляешь? БАР-БА-ДОС! На всякий случай, если мы не увидимся до твоего отъезда, желаю тебе счастливого пути.

Жюльет ужасно расстроилась. Вот она, дружба по-американски. Три года вы вместе снимаете квартиру, а когда ты собираешься уезжать навсегда, она просто оставляет тебе сообщение на автоответчике! Но вообще-то Коллин можно понять. Разумеется, она выбрала выходные со своим парнем. Жюльет бродила по квартире, снова и снова пережевывая обиду. Остановилась перед стеной, увешанной фотографиями, на которых были запечатлены важные этапы их с Коллин жизни.

Когда они приехали на Манхэттен, у каждой была четкая цель. Коллин хотела стать адвокатом, а Жюльет – актрисой. Они дали себе три года, чтобы добиться своего. И вот результат: одна только что поступила на работу в престижное адвокатское бюро, а другая так и работает официанткой в кафе.

Упорная и настойчивая Коллин рано или поздно станет компаньонкой в своем бюро. Будет много зарабатывать, одеваться у DKNY, работать в уютном солидном офисе в каком-нибудь небоскребе. Она будет той, кем всегда хотела стать: одной из этих *executive women*⁴, недоступных, живущих по расписанию, одной из тех, кого Жюльет по утрам встречала на Парк-авеню.

Жюльет сердилась на себя за то, что завидует чужому успеху. Но пропасть между тем, чего добилась Коллин, и тем, где оказалась она сама, была так велика, что ей от этого становилось плохо.

Что с ней будет, когда она вернется во Францию? Пригодится ли ей диплом филолога? Первое время придется жить у родителей. О боже. Жюльет подумала о своей сестре. Аурелия была младше, но уже нашла свое место в жизни. Она была школьной учительницей и вместе с мужем-полицейским переехала куда-то под Лимож. Оба они сурово осуждали «богемную жизнь» Жюльет, а саму ее считали безответственной.

⁴ Деловые женщины (англ.).

Многие из друзей, оставшихся в Париже, также добились успеха. Получили образование, открывавшее дорогу к престижным профессиям, в которых можно «реализоваться». Стали инженерами, архитекторами, журналистами, программистами... Завели семью, купили дом в кредит, и уже один, а то и два ребенка играли на заднем сиденье их «рено меган».

У Жюльет ничего этого не было: ни постоянной работы, ни любимого человека, ни ребенка. Она уехала в Нью-Йорк, чтобы попытаться счастья и, если повезет, стать актрисой. Безрассудный поступок, Жюльет сама это понимала. Все ей твердили: это неразумно! И в самом деле, время было неподходящим для рискованных предприятий. Время было таким, что следовало обдумывать каждый шаг, проявлять осторожность, минимизировать риски. В моде были предусмотрительность, пенсионные счета, которые открывают в двадцать пять лет, системы сигнализации, диеты и отказ от курения.

Но Жюльет никого не стала слушать. Она верила в свою счастливую звезду и всегда говорила себе, что однажды удивит мир. И все запоют по-другому, когда увидят обложку «Пари матч» с заголовком «Молодая француженка получила первую роль в голливудском фильме!» Она не опускала рук, сражалась до конца. Но может быть, она была слишком мягкой, слишком «хорошей девочкой», чтобы добиться успеха? Конечно, было бы легче, если бы она была чьей-то дочкой. Но ее отца звали Жерар Бомон, а не Жерар Депардьё, он работал в магазине «Оптика» в Олнэ-су-Буа.

А может, у нее просто нет таланта? Но если она сама не будет верить в себя, кто тогда в нее поверит? Многим актерам пришлось долго ждать славы: Том Хэнкс годами играл в захудалых театрах, Мишель Пфайффер работала кассиршей, Аль Пачино не приняли в театральную студию, Шерон Стоун получила первую большую роль, когда была уже не первой молодости, Брэд Питт в костюме цыпленка продавал сэндвичи в супермаркете.

И самое главное – а вот этого уже вообще никто не понимал, – Жюльет чувствовала себя по-настоящему живой, только когда играла. И неважно, что это роль в студенческой пьесе и в зале всего два человека. Она жила только на сцене. Только становясь кем-то другим, она была собой. Словно внутри у нее была пустота, которую необходимо заполнить, и настоящей жизни для этого мало. Каждый раз, когда Жюльет пыталась это объяснить, она думала, что, наверное, в ее потребности искать другую реальность есть что-то нездоровое.

Жюльет решительно прогнала мрачные мысли и вспомнила песенку Азнавура: «Я уже видел свое имя на афише...» Напевая, она вошла в комнату Коллин. На стуле была аккуратно сложена одежда соседки – безумно дорогие вещи, купленные, чтобы ходить на собеседования. Рискованные инвестиции, но этот риск оказался оправданным.

Жюльет не удержалась и решила кое-что примерить, ведь у них с Коллин один размер. Она сняла джинсы и старый свитер и надела костюм от Ральфа Лорана. Подмигнула своему отражению в зеркале.

«Неплохо!»

Черная кашемировая водолазка, прямое пальто из твида, элегантные туфли от Феррагамо. Чувствуя что-то вроде вдохновения, Жюльет слегка накрасилась – немного пудры, тушь, карандаш для подводки глаз.

– Зеркальце, скажи скорей, кто на свете всех милей?

Она сама удивилась тому, насколько иначе стала выглядеть. В этой одежде и макияже она была похожа на деловую женщину. Кажется, тот, кто придумал пословицу «Не одежда делает человека», ошибся. Жюльет вспомнила фильм, в котором Дастин Хоффман переодевается женщиной и играет главную роль в своей жизни.

Она повернулась к зеркалу и решительно представилась:

– Жюльет Бомон, очень приятно. Я адвокат.

Услышав снизу мяуканье голодного Жана Камия, она, не переодеваясь, спустилась на кухню и вывалила ему в миску коробку китайской еды.

– Ешь, это очень вкусно! Курица «Пять ароматов» и рис по-тайски.

Жюльет погладила кота, который урчал над миской, и повторила:

– Жюльет Бомон, очень приятно. Я адвокат.

Она вдруг решила, что не станет сидеть дома, как старая дева. Не пойти ли в театр? Посмотреть какой-нибудь спектакль. Например, музыкальную комедию на Бродвее. За час до начала в театральных кассах на Таймс-сквер можно купить билет по очень разумной цене. Наверняка из-за снегопада многие откажутся от билетов. Стоит попытать счастья. Может быть, «Призрак оперы»? Или «Кошки»?

Жюльет снова посмотрела в зеркало. И впервые за долгое время ей понравилось то, что она там увидела.

– Сожалею, Жан Камий, но меня ждет Нью-Йорк! – провозгласила она, театрально взмахнув руками.

Взбежав по лестнице, она ворвалась в комнату Коллин, схватила ее шарфик от Барбери и вышла на улицу навстречу звенящему от мороза сияющему вечеру с твердым намерением как можно лучше провести свои последние часы на Манхэттене.